

тѣмъ, въ данномъ случаѣ повсюду мы видимъ обще-типическое повтореніе этого памятника. Впослѣдствіи, надъ этимъ крестомъ мы знаемъ нишу, съ золотомъ (быть можетъ мозаическою) конхою (sub coelo augeo), но все-таки самый крестъ (до временъ Модеста) находится подъ открытымъ небомъ, и когда современные изслѣдователи говорятъ о «церкви надъ Кальваріемъ», то смѣшиваютъ сооруженія VII в. съ древними. Возвышеніе, на которомъ стоялъ Крестъ, было именно «Лобнымъ мѣстомъ» (Кальваріемъ), которое составляетъ предѣльный пунктъ всего холма, возвышенной площади, называемой «Голгозою». Именемъ «Голгозы», въ отличіе отъ Анастасиса, стали впослѣдствіи называть самую базилику Константина. Когда паломница желаетъ точно опредѣлить мѣсто базилики Константина, или такъ называемаго «Мартиріона», «большой церкви, въ которой служба правится по большимъ праздникамъ и въ воскресные дни», то она говоритъ, что эта базилика находится *на Голгозѣ*, разумѣя подъ Голгозою не ея часть—Лобное мѣсто, «Крестъ», но всю площадь. Церковь эта расположена «за Крестомъ», считая отъ Анастасиса, стало быть, «Крестъ» составляетъ край или находится на краю этой базилики. А такъ какъ мы знаемъ, что базилика оканчивалась имисферіемъ Анастасиса, а также, что молебщики ходили изъ базилики въ Анастасисъ и обратно, то неизбѣжно предположить, что проходъ и мѣсто Креста были сбоку, въ одной сторонѣ. И современная часовня Голгозы, или Лобное мѣсто (условно называемая именемъ цѣлой Голгозы), находится на юго-западъ отъ св. Гроба, т. е. въ сторону отъ древней базилики,—и стало быть, показаніе Сильвіи, во-первыхъ (ср. *рисун. 7*), совершенно отвѣчаетъ всѣмъ позднѣйшимъ свидѣтельствамъ и, во-вторыхъ, подтверждаетъ дѣйствительность почитаемыхъ съ ея времени мѣстъ. Для временъ Евсевія Голгоза являлась только мѣстомъ Распятія Господня, болѣе или менѣе безформеннымъ возвышеніемъ въ сторонѣ отъ храма и св. Гроба. Возможно, что удѣлѣвшая, при планировкѣ мѣста подъ базилику, натуральная скала была украшена сначала крестомъ, только эмблемою, и стала впослѣдствіи въ устахъ вожаковъ и паломниковъ специально представлять Голгозу¹⁾. Напротивъ того, въ службахъ страстной недѣли св. Крестъ и Анастасисъ играютъ важную роль, по своему значенію въ богослуженіи и обрядахъ іерусалимской церкви, а потому паломницею тогда лишь мимоходомъ упоминается большая базилика Константина, въ которой служеніе производилось по праздникамъ и было чуждо мѣстныхъ обрядовыхъ сторонъ, наиболѣе дорогихъ для разсказа паломницы и ея читателей.

Точное подтвержденіе всего матеріала, сообщаемаго паломницею, дается свидѣтельствомъ очевидца Евхерія ліонскаго, посѣтившаго святыхъ мѣста около 440 г. Упомянувъ на первомъ мѣстѣ большую и великолѣпную базилику, называемую—*martyrium*, Константина (на первомъ мѣстѣ, потому что входъ къ святымъ мѣстамъ былъ черезъ нее), Евхерій продолжаетъ: «отсюда идя», и видишь примыкающія съ западной стороны къ базиликѣ Голгозу и Анастасисъ («*dehinc cohaerentia ab occasu visuntur Golgotha atque Anastasis*). Анастасисъ находится на мѣстѣ Воскресенія, а Голгоза есть въ срединѣ, между Анастасисомъ и мартиріумомъ, находящееся мѣсто

¹⁾ *Mommert, Golgotha u. d. hl. Grab zu Jerusalem, 1900*, напрасно пытается найти среди общихъ свидѣтельствъ IV — V вв. о Голгозѣ какое-либо специальное показаніе. Такъ (стр. 11), по его мнѣнію, Евсевій точно указываетъ, что Константинъ придаль и Голгозѣ образъ памятника (μνημα) и украсилъ его крестомъ: это свидѣтельство Евсевія находится будто бы въ его *Похвальномъ словѣ Константину* (*De laudibus*, IX), но этотъ текстъ цѣликомъ и исключительно относится къ св. Гробу, но не къ Голгозѣ, а именно, Евсевій пишетъ: «посреди города, надъ самымъ памятникомъ спасенія (σωτήριον μάρτύριον—св. Гробъ), онъ устроилъ великій молитвенный домъ и храмъ, посвященный знаменію спасенія (σωτήριον σημείον) съ драгоценными и разнообразными тѣрами, и памятникъ, достойный вѣчнаго памятованія, и самые трофеи побѣды надъ смертію Великаго Спасителя, украшеніямъ превыше всякихъ похвалъ». Этотъ памятникъ—μνημα μνήμης ζωόντων νέμων и эти трофеи—*αὐτὰ τὰ κατὰ τοῦ θανάτου τροπία*—суть тотъ же св. Гробъ. Свидѣтельство это, пожалуй, содержитъ указаніе на постройку надъ св. Гробомъ, и если относится къ Голгозѣ, то лишь въ указаніи *крестовъ*—трофеевъ смерти, надъ Голгозою и надъ Гробомъ Господнимъ.

Господнихъ (locus Dominicæ passionis) страданій, на немъ же *видна и самая скала* (in quo etiam rapæ apparet), на которой стоялъ нѣкогда самый (Господень) Крестъ (quæ quondam ipsam Crucem pertulit). Общими словами «мѣсто Страданія» паломникъ какъ будто хочетъ выразить, что особаго зданія надъ этою частію Голговы не было, а стало быть, сооруженіе Константина оставалось въ томъ же видѣ въ теченіе V в.

Слѣдующій по порядку, но отстоящій уже на дѣлѣй вѣкъ, текстъ Теоодосія (около 530 г.), установленный Гильдемейстеромъ ¹⁾, подтверждаетъ всѣ, принятые нами, подробности, но сообщаетъ и новое. «У Гроба Господня,—говоритъ этотъ свидѣтель,—есть мѣсто, гдѣ Авраамъ принесъ сына своего во всесоженіе (in holocaustum), и такъ какъ гора скалистая (et quia mons petraeus est), то на этой горѣ (in ipso monte), т. е. у подошвы ея (ad pedem montis ipsius), соорудилъ Авраамъ жертвенникъ (altare), надъ жертвенникомъ возвышается гора (super altare eminent mons), на какую гору (ad quem montem) восходятъ по ступенямъ; тамъ (т. е. на верху) былъ распятъ Господь. Отъ Гроба Господня до мѣста Кальварія шаговъ числомъ 15; (все пространство) *находится подъ одною кровлею* (sub uno tecto est). Отъ мѣста Кальварія до Голговы 15 шаговъ, гдѣ обрѣтенъ Крестъ Господень». Теоодосій, слѣдовательно, указываетъ, какъ бы съ особымъ удареніемъ, что не все въ храмѣ было подъ одною кровлею ²⁾; далѣе, отсюда ясно, что въ его время все пространство соединялось портиками, и ихъ покрытіемъ пользовались для перехода молебниковъ изъ Анастасіа въ мѣсто Кальварія, изъ ротонды въ базилику.

Изъ хронки Теофана подъ 420 и 427 гг., узнаемъ, что Евдокія, жена Теоодосія II младшаго, привезла съ собою въ Іерусалимъ золотой крестъ съ камнями для часовни (ораторія) на Лобномъ мѣстѣ. Всякаго рода суетвѣрные рассказы возникаютъ среди паломниковъ изъ простаго народа, отчасти вслѣдствіе монашескихъ преувеличеній, а главнымъ образомъ, въ результатѣ грубаго народнаго творчества самихъ паломниковъ. Отсюда, мало-по-малу у грековъ сложилось преданіе, что крестъ, на коемъ былъ распятъ Господь, былъ водруженъ именно здѣсь и потому, согласно съ псалмомъ, уцѣлѣвшая горка Лобнаго мѣста стала, въ народномъ представленіи, земнымъ пупомъ, сосредоточіемъ земли, на которомъ Предвѣчный Царь «утвердилъ спасеніе земли». Замѣчательная мозаика церкви св. Пуденціаны въ Римѣ представляетъ Спасителя съ учениками среди обширной экзедры, въ срединѣ которой возвышается скала Лобнаго мѣста, а на ней драгоценный крестъ. Спаситель занимаетъ здѣсь мѣсто епископа, савившагося,—по свидѣтельству Сильвія,—въ Великую Пятницу передъ крестомъ, — когда происходитъ чтеніе о Страстяхъ Христовыхъ, — для поученія народа тому, что не предсудено ничего, чтѣ бы не исполнилось всецѣло. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ доселѣ свидѣтельствъ ясно, что Лобное мѣсто ничѣмъ не было украшено кромѣ креста. Между тѣмъ извѣстный западный палестиновѣдъ Моммертъ рѣшился на сочиненіе неправдоподобной гипотезы о томъ, что скала Голговы была обдѣлана при Константинѣ,—подобно Гробу Господню,—также въ видѣ особаго памятника. По ошибочному мнѣнію Моммерта, названіе Лобнаго мѣста дано было этой скалѣ въ силу іудейскаго преданія о погребеніи подъ скалой Голговы праотца Адама. Видимая ошибка Моммерта заключается въ его открыто произвольномъ выводѣ, будто бы во времена Константина указывалась уже подъ этою скалой погребальная Адамова пещера. Между тѣмъ всѣ свидѣтельства рѣшительно говорятъ противъ подобагого предположенія; такъ, Брєвїарій 530 г. говоритъ, что на Кальваріѣ сотворенъ былъ Адамъ. Затѣмъ только Аркульфъ—и то уже около 507 г.—свидѣтельствуєтъ, что въ церкви, устроенной Модестомъ надъ Голговою, имѣется въ скалѣ высѣченная *пещера* подъ мѣстомъ Господняго Креста, гдѣ надъ алтаремъ «приносится жертва за души особо почетныхъ».

¹⁾ Изданъ въ 28-мъ выпускѣ «Правосл. Палестинск. Сборника», съ перев. и комментаріями проф. И. В. Помяловскаго, стр. 15—16. 61—62.

²⁾ Въ Commemor. de casis D. (р. 305) общо сказано, что св. Гробъ, Кальварій и св. Константинъ находятся подъ одною кровлею, но это свидѣтельство относится къ 808 г.

людей, которыхъ тѣла, на время литургіи, полагаются передъ дверью той самой церкви Голгоеской». То же повторяетъ и Беда Достопочтенный около 720 г.—и, такимъ образомъ, въ теченіе перваго тысячелѣтія о погребеніи Адама подъ крестомъ Господнимъ никто не обмолвился ни однимъ словомъ. И только уже въ 1102 г. нѣкто Зевульфъ пишетъ: «подъ Крестомъ есть мѣсто, называемое Голгоа, гдѣ Адамъ» (пропущено слово, вѣроятно: «погребенъ»). Затѣмъ, независимо отъ всякихъ свидѣтельствъ, ясно, что еслибы существовала Адамова пещера во времена Константина, какъ то предполагаетъ Моммертъ, и образовала такой же отдѣльный мавзолей (μῦμα), то всѣ паломники не только поминали бы эту другую пещеру и формы убранства, но и постоянно старались бы въ своемъ текстѣ различать обѣ. Между тѣмъ вездѣ у паломниковъ и притомъ до самаго послѣдняго времени указывается только одна пещера и одинъ мавзолей Гроба Господня, а попытка Моммерта выдѣлить, подъ именемъ памятника, Адамову пещеру въ текстѣ письма Евсевія — отличается явнымъ произволомъ. Упомянутый паломниками алтарь у подножія холма Голговы будемъ встрѣчать и впослѣдствіи, но этотъ алтарь ими точно обозначается, какъ алтарь, на которомъ должно было совершиться жертвоприношеніе Исаака. Преданіе же о существованіи Адамовой пещеры возникло, повидимому, путемъ *иконографическимъ*, такъ какъ приблизительно около XI же вѣка въ иконографіи Распятія, подъ холмикомъ Голговы, стали изображать черепъ, т. е. тотъ самый «лобъ», по которому искони прозвано было это мѣсто «Лобнымъ»; черепъ сталъ въ преданіи черепомъ именно проатца Адама; сначала онъ изображался лежащимъ подъ холмомъ, какъ вырытый при водруженіи креста и очутившійся на поверхности земли; затѣмъ кругомъ черепа стали обозначать вырытую черную яму, и эта черная яма мало-по-малу образовала пещеру. Когда, наконецъ, Голгоа стала особою 2-этажною часовенкой (такъ и понынѣ), то въ нижней ея части, за поставленнымъ алтаремъ, образовался видъ подземной крипты и въ стѣнѣ, какъ свидѣтельствуєтъ Fr. Quaresmius 1620 г., положили Адамову голову. Самъ Моммертъ находитъ точное указаніе на погребеніе Адамовой головы подъ крестомъ только въ свидѣтельствахъ XIV и XV столѣтій ¹⁾.

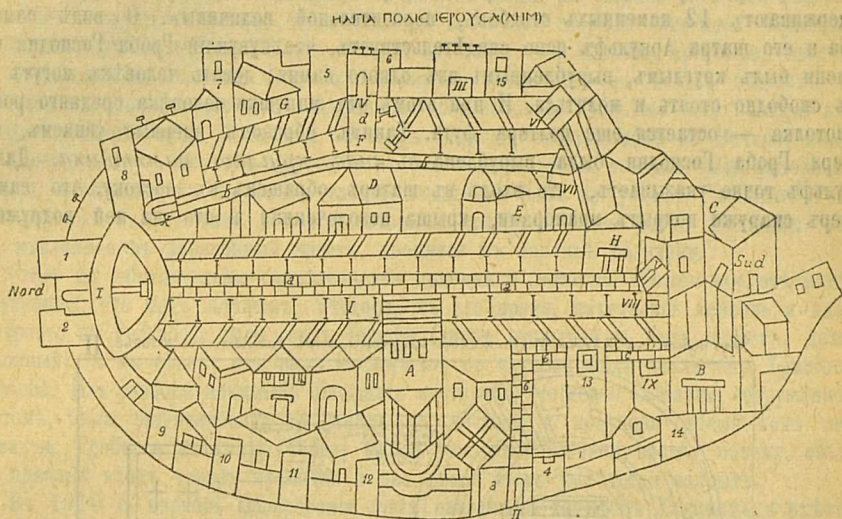
Любопытныя и вполне реальныя подробности представляетъ Обзоръ св. мѣстъ Антонина изъ Пьяченцы, прозваннаго «мученикомъ» (570 г.). «Гробница Господня выстѣчена изъ скалы; и самая рака, въ которую положено тѣло Господа,—также; камень, коимъ была закрыта гробница, лежитъ передъ входомъ. А цвѣтъ камня, который выстѣченъ, есть цвѣтъ Голгоеской скалы. А самая скала украшена золотомъ и драгоценными камнями. Скала монумента, какъ будто, жерновнаго камня. Украшеній безъ числа: на желѣзныхъ прутьяхъ (рѣшетки) висятъ заплата, браслеты, ожерелья, кольца, головныя уборы, нагрудники, пояса, короны императоровъ, уборы императрицъ. Такъ вся гробница, какъ нѣкая пирамида, покрыта серебромъ, подъ (?) золотыми солнцами. Передъ гробницею поставленъ престолъ. Отъ гробницы до Голговы 80 шаговъ. На Голгову всходятъ съ одной стороны по ступенямъ — именно съ той, откуда Господь нашъ восшелъ на пропастіе, ибо и то мѣсто, гдѣ крестъ былъ водруженъ, видно, и на самой скалѣ (видны) пятна крови. Въ сторонѣ находится жертвенникъ Авраама, на которомъ онъ намѣревался принести въ жертву Исаака, и на которомъ принесъ жертву Мельхиседекъ. У самаго жертвенника трещина, приложивъ къ которой ухо, услышишь шумъ водный, а бросивъ внутрь туда яблоко, — найдешь его потомъ въ источникѣ Силоамскомъ. Отъ Голговы до того мѣста, гдѣ обрѣтенъ крестъ, 50 шаговъ. Въ базиликѣ Константина, примыкающей къ Гробу Господню и Голгоѣ, въ атриумѣ самой базилики, есть отдѣльное помѣщеніе, гдѣ хранится древо Креста, и держалъ я въ рукѣ своей надпись Креста... И бываетъ такъ: когда несутъ въ процессіи св. Крестъ,

¹⁾ [Ср. по этому вопросу у проф. М. Д. Муретова, Древность преданія о погребеніи Адама на Голгоѣ въ сентябрьской книжкѣ за 1894 г. московскихъ «Чтеній въ Обществѣ любит. дух. просвѣщенія», гдѣ авторъ защищаетъ тотъ тезисъ, «что преданіе о погребеніи Адама на Голгоѣ не только идетъ изъ самой глубокой древности христіанства, но даже, по всѣмъ признакамъ и вѣроятностямъ, образовано изъ преданій іудейско-дохристіанскихъ».]

для поклоненія ему, изъ его помѣщенія и придуть въ атриумъ, гдѣ совершается поклоненіе,—въ тотъ часъ является звѣзда на небѣ и приходитъ на мѣсто, гдѣ находится Крестъ, и, пока поклоняются Кресту, стоитъ надъ нимъ, и приносятъ елей для благословенія въ небольшихъ ампулахъ. И вотъ въ тотъ часъ, какъ древо Креста коснется края ампулы, вдругъ закипитъ масло и брызнетъ наружу, а если не закрыть сей-часъ, весь елей вытечетъ вонъ. И хранятся тамъ святая губка и трость и ониссовая чаша, которую благословилъ Господь на Вечери, и зеркало св. Маріи, и поясъ ея, и повязка, которую употребляла она для головы, тамъ же и семь каедръ старцевъ». Неизвѣстный авторъ *Бревіарія*, составленнаго въ VI в., изъ различныхъ показаній, частью извѣстныхъ намъ, но частью даже не сохранившихся, прибавляетъ къ этимъ деталямъ описанія слѣдующія весьма важныя подробности: «и затѣмъ входишь въ Голгофу. Есть тамъ большой атриумъ и холмъ Лобнаго мѣста, гдѣ распятъ былъ Господь, а въ окружности горы серебряныя перила... Лобное мѣсто имѣетъ серебряное устье, гдѣ былъ водруженъ Крестъ Господень, а самый Крестъ сплошь покрытъ золотомъ и драгоценными камнями и поверхъ сего *золотое небо* и окружено снаружи баллюстрадой; а на западной сторонѣ находится входъ во святое Воскресеніе (Анастасіе у Сильвіи), гдѣ находится гробъ Господень, а передъ гробомъ камень кремневой породы. Надъ гробомъ устроена *круглая церковь*, а поверхъ самаго гроба *тѣшетка* (translatile) серебряная и золотая, въ окружности вся изъ золота». Мало понятные рассказы Антонина о появленіи звѣзды надъ Животворящимъ Древомъ могутъ быть легко объясняемы передвижнымъ балдахиномъ, но здѣсь мы узнаемъ также о существованіи особаго киворія или балдахина надъ драгоценнымъ Крестомъ: золотое небо этого балдахина было, вѣроятно, раздѣлено звѣздами. Чудесный рассказъ Антонина о кипѣніи масла въ ампулахъ объясняется, вѣроятно, кипяченіемъ елея въ свинцовыхъ ампулахъ до полного заполнения сосуда, съ цѣлю обезпеченія отъ порчи при долгомъ храненіи. Но наиболѣе любопытно свидѣтельство «Бревіарія» о ротондѣ св. Гроба: зная болѣе или менѣе положительно, что за время отъ Константина до Юстиніана никакихъ особыхъ сооруженій на мѣстѣ св. Гроба не было, приходится утверждать, что *ротонда св. Гроба была построена или самимъ Константиномъ, или въ ближайшіе послѣ него годы*. Мы знаемъ, что почти все греко-римскіе и восточные мавзолеи или усыпальницы имѣли круглую форму, очевидно, въ силу особой религіозной традиціи, ведшей свое происхожденіе отъ древнѣйшихъ круглыхъ съ коническимъ верхомъ усыпальницъ, подземныхъ или устроенныхъ внутри кургановъ, какія находимъ на греческомъ Востокѣ. Таковы круглыя и восьмиугольныя церкви св. Констанція въ Римѣ, св. Георгія въ Солуни, мавзолеей Теодориха въ Равеннѣ, св. Григорія въ Эчміадзинѣ и др. Ротонда св. Гроба стояла среди четырехугольной площади атриума (Моммертъ ошибочно предполагаетъ, что атриумъ имѣлъ тоже круглую форму, такъ какъ Евсевій очень точно говоритъ о четырехъ его сторонахъ). Въ извѣстной мозаикѣ, найденной въ Мадбѣ въ новѣйшее время, имѣется планъ Іерусалима, относящійся къ V в. (см. *рисун.* 8). Къ сожалѣнію, этотъ планъ представляетъ храмъ св. Гроба въ схемѣ обычной базилики. Но въ этомъ планѣ особенно любопытна широкая улица, отъ сѣверныхъ воротъ ведущая къ южнымъ, черезъ весь городъ, и обставленная открытыми навѣсами съ передними колоннадами, очевидно, торговаго значенія. На планѣ видно, что базилика начинается именно на этой большой средней улицѣ, замѣняющей собою городской рынокъ, большою лѣстницей или монументальнымъ крыльцомъ. Наверху этой лѣстницы вмѣются три входа, ведущіе внутрь четырехугольнаго двора или атриума; за нимъ расположено зданіе самой базилики, имѣющее со стороны атриума фронтонъ и подѣленное на три нефа, а крытое двухскатною крышей; за нимъ конецъ зданія въ видѣ полукруга. И нѣ настоящее время съ восточной стороны храма Воскресенія имѣется узкая рыночная площадь или улица, носящая двойное названіе: Сукъ-Хан-Эзетъ и Сукъ-Эс-Земани и, — какъ увидимъ ниже, — на самомъ краю этого рынка на Русскомъ мѣстѣ сдѣлано открытіе *протилево древней базилики*.

Живое, но крайне неясное свидѣтельство о состояніи храма св. Гроба послѣ

Модеста находится въ *анакреонтическихъ одахъ* іерусалимскаго патріарха Софронія, написанныхъ въ промежутокъ между 614 или, точнѣе, 629 и 638 гг., такъ какъ въ одѣ упоминается Животворящее Древо, очевидно, уже возвращенное христіанамъ Иракліемъ. Въ это время патріаршіи клиръ жилъ въ Вилеємѣ, такъ какъ этотъ городъ

Рисунокъ 8. Планъ Іерусалима въ Мадобской мозаикѣ (въ $\frac{1}{6}$ величины).

сохранилъ не только древнюю базилику, но и свои укрѣпленія, и пѣвецъ рассказываетъ, какъ, изъ Вилеєма, онъ обходитъ святыя мѣста Христовы во святомъ градѣ, на Елеонѣ и въ Вилеаніи. Онъ представляетъ свое страстное желаніе посѣтить Іерусалимъ и облобызать его святыни; ликуя, входитъ онъ въ ворота города и снѣшить по улицамъ къ храму Воскресенія: «я облобызаю тамъ самую землю, я увижу священный кубъ (кувуклій св. Гроба) и великій, небомъ накрытый вчетверо... (какъ разъ, въ самомъ нужномъ мѣстѣ, въ рукописи *недостаетъ* слова). По святой солѣ я пройду въ средину Господня Гроба и, преклонившись, облобызаю святую скалу. Приложусь къ колоннамъ, кругомъ гробницы стоящимъ, и конхамъ (византійскимъ камарамъ, нашимъ—кокошникамъ), украшеннымъ наверху золотыми лиліями. Я пройду къ тройному портику, сплошь сіяющему украшеніями въ видѣ жемчуга, дабы припасть къ находящемуся на прекрасномъ дворѣ мѣсту Лобному... И облобызаю я священное средоточіе и, преклонившись, приложусь къ той скалѣ, куда было вбито Древо, разрѣшившее проклятіе, на древо наложенное. Ликую отъ радости, приду я туда, гдѣ всѣ мы, народъ Божій, преклоняемся предъ честнымъ Древомъ..., чтобы оттуда посѣшшить принести поклоненіе, преклонивъ колѣна предъ св. иконою. И приду съ восторгомъ къ великолѣпному алтарю, котораго божественное Древо обрѣла славная императрица Елена. И буду оттуда созерцать *новую* красоту базилики, въ которой хоры монаховъ исполняютъ ночныя пѣснопѣнія».

Въ дополненіе къ этому живому описанію, весьма важно схематическое описаніе, принадлежащее паломнику Аркульфу, котораго повѣствованіе записано Адамнамомъ около 650 г. Текстъ этого описанія говоритъ самъ за себя и не нуждается въ комментаріяхъ; къ тому же онъ былъ еще въ древности иллюстрированъ особымъ рисункомъ, прилагавшимся къ рукописи (см. *рисун.* 9). Глава вторая такъ говоритъ о церкви «круг-